

УДК 81'42: 070.1(470-87)'1918/1920''

ОППОЗИТИВНОСТЬ В СТРУКТУРЕ КОММУНИКАЦИИ (на материале эмигрантских газет эпохи кризиса 1918-1920 гг.)

Лилия Рашидовна Дускаева

д. филол. н., зав. кафедрой теории речевой деятельности
и языка массовой коммуникации

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7. LRD2005@yandex.ru

Татьяна Ивановна Краснова

к. филол. н., доцент кафедры русского языка и литературы

Институт телевидения, бизнеса и дизайна

193124, Санкт-Петербург, Синопская наб., 64-а. taikrasnova@yandex.ru

Статья посвящена интерпретации когнитивной модели оппозитивной структуры метатекста новости. Материалом анализа являются эмигрантские газеты 1918–1919 гг. Метатекст новости включает сведения о действиях и реакциях информатора (идеологического субъекта) в момент получения новостей из России. Оппозитивная структура коммуникации проявляется в ориентации идеологического субъекта газеты на когнитивные, эмоциональные и другие свойства гипотезы адресата журналистского текста. Единую когнитивную составляющую новостей из России образовали два полюса ментальных представлений, куда входила оппозиция МЫ/ОНИ.

Ключевые слова: эмигрантские газеты; кризисная коммуникация; дискурс; адресат; оппозитивная структура; метатекст (модус).

Диалогичность – это фундаментальное, онтологическое свойство публицистических текстов, которое проявляется в ориентации на когнитивные, эмоциональные и побудительные свойства гипотезы адресата журналистского текста. Фактор адресата [Арутюнова 1981] в газетных текстах проявляется в удовлетворении информационных запросов и приведении композиционно-тематических и стилистических свойств текста в соответствие с гипотезой об информационных ожиданиях читателя. Поверхностно-речевой уровень текста зависит от представлений автора о когнитивном, эмоциональном, поведенческом аспектах концепции адресата. Это фундаментальное для газетных текстов свойство, помимо аспекта адресованности, включает аспект ответственности и присуще как диалогическим текстам (типа интервью) и межтекстовым единствам (в виде диалога текстов), так и внешне монологическим публикациям (в виде внутримONOлогической диалогичности). Последняя представлена не только способами и средствами, как бы заимствованными из устного диалога, но и средствами, специально для этого выработанными в пись-

менной речи. Причем формы выражения диалогичности различны: в тексте это отражение взаимодействия не только с аудиторией, но и с оппонентами [Дускаева 2004: 9-30]. Данные обстоятельства представляются особенно важными для анализа *новостного* текста, где интенции говорящего скрыты. Обратимся к нашему материалу.

В период кризиса коммуникация протекает в особых условиях. Сложность такой коммуникации в ее новизне, динамичности, но главное в том, что она реализуется в контексте противостояния агрессивно настроенных оппонентов. Такой настрой проявляется во всяком взаимодействии смысловых позиций: между автором и гипотетическим адресатом, между авторами разных текстов, т.е. между текстами, между изданиями разной направленности и т.д. Оппозитивность присутствует *имплицитно* и рассматривается как когнитивная составляющая гипотезы об адресате, в которой мир предстает расколотым на два полюса – близкий МЫ и враждебный ОНИ. Следовательно, речь идет о **прагматике затекстовой и скрытой текстовой оценки в**

контексте, в результате чего создаются условия для интерпретации сообщений читателем в нужном для идеологического субъекта направлении.

Профессиональная ситуация получения известия в эмигрантской газете (ЭГ) строилась на стандартном основании – на восприятии известий, переданных по телеграфу или отобранных из других источников. Основные ментальные операции, используемые в таких случаях, – акты восприятия (зрительного и умственного) и затекстовой оценки. Исследователи говорят в этом случае об «определении нереализованных в данном тексте потенций высказывания (выявление “заднего смысла”» [Борисова, Мартемьянов 1999: 11]. В газетном тексте признают наличие следующих уровней внутри одной значащей совокупности: 1) уровень пресуппозиции сообщения – неявный, контекстный; 2) предметный уровень сообщения – явленный в тексте; 3) оценочно-смысловой уровень – явный или неявный, но имманентный не только коннотативному, но и денотативному значению сообщаемого.

Неявный уровень оценки в пресуппозиции сообщения предполагает оценку со стороны идеологического субъекта газеты (ИС). Такая квалифицирующая операция может быть представлена в виде дейксиса *Это Adv.-o*, где дейксис указывает на полученное сообщение (стимул), а предикативом выступает оценка (реакция). Для нашего материала это прежде всего идеологическая оценка в русле социальных задач издания. Субъект может соотносить с ней другие типы собственных оценок (механизмы такого соотношения мы не рассматриваем): идеологическая оценка остается определяющей основой для реагирования ИС на поступающие сообщения. Можно предположить, что оценка достоверности предполагает согласие или несогласие с полученной информацией (выражается формулами *это верно* (известный факт) / *неверно* / *маловероятно*). Познавательная оценка включает определение важности сведений (выражается в формулах *это важно/интересно*), логическую оценку (выражается формулами *это логично* / *убедительно* / *странно*), утилитарную (идеологическую) (выражается формулами *это нам выгодно* / *полезно*), общую оценку (выражается формулами *это хорошо/плохо*), общемодальную (передается формулами *это возможно* / *необходимо*), а также этическую оценку (передается формулами *это преступно* / *аморально* / *справедливо* / *несправедливо*). Как показывает ЭГ-дискурс, возможны эмоциональные и эстетические оценки (*безобразно* / *смешно* / *это ужасно* / *непереносимо* / *грустно* / *обидно* и т.п.). Операциональ-

ный примитив такого рода может хотя бы отчасти помочь эксплицировать оценочные мотивы ИС в процессе отбора и обработки материала.

Под идеологизацией новости в ЭГ мы понимаем внесение в текст идеологической оценки притягательности или непритягательности большевизма в России, т.е., скорее, модально-концептуальный аспект мировоззрения мыслящего субъекта с его идейной составляющей. Установка политизированных ЭГ на внесение знаков идеологической оценки в известия приводит к выдвиганию субъективного компонента. Коллективный идеологический субъект многослоен (редактор, автор, персонаж), важна тенденция в оценке данной ситуации, а ее стержень определяет идеологический субъект газеты.

В информационно-воздействующем пропагандистском ЭГ-дискурсе выделяются *объективированный* и *субъективированный* модусы подачи новости. Обратимся сначала к первому из них, т.е. к идеологически сдержанному способу адресации новостного сообщения.

Объективированный модус подачи новости характерен для типичных известий образца агентской информации с устойчивой формой лида в виде сложноподчиненного (реже бессоюзного) предложения. Рассмотрим известие, в метатексте которого выделяются три способа обозначения источника известий для читателя: 1) скрытый, 2) косвенный, 3) открытый. Новость почерпнута из материалов сибирской печати. Она, очевидно, прошла композиционную обработку в агентстве и после сокращения была передана по телеграфу в газету: **Омск, 20 авг.** – *Судя по последним радиотелеграммам, большевики намерены в случае решительного поражения в Европе перенести центр своей деятельности и пропаганды на восток, а именно в Азию. Сибирская печать находит, что «если этот проект удастся, чреватые последствия его несомненно отзовутся во всем мире...»* (Общее дело: Париж, 1919, 7 сент.).

1. Скрыто обозначен замещенный в детерминативе агент по передаче информации (ИИ-посредник): **Омск, 20 авг.** Он в разряде авторитетных источников (Омск – столичный город).

2. Косвенно обозначен первоисточник в свернутой модусной рамке сообщения (вводная конструкция): **Судя по последним радиотелеграммам, большевики намерены ...** Первоисточник имеет отношение к блокированному большевиками каналу поступления информации (но в пресуппозиции присутствует знание читателей о перехватах белыми телеграмм большевиков).

3. Прямо обозначен доступный агенту вторичный источник с его модусом предположения:

Сибирская печать находит, что «если этот проект удастся, чреватые последствия его несомненно отзовутся во всем мире...». Источник относится к консолидированным идеологическим субъектам, чье мнение поощряется цитированием. Можно предположить формулы затекстовой оценки: 'это для нас важно'; 'это симптом агрессии большевизма, опасный для всего мира'.

Обратимся к сигналам идеологизации, присутствующим в телеграфной новости, объективированная подача которой связана с фактором длины текста.

□ Затекстовое по оценке оснащение короткой новости заголовком зачастую определяет неоднозначное восприятие телеграфной строки. Ироническая идеологема в заголовке ниже вносит в нейтральное сообщение амбивалентный смысл даже при положительной интерпретации явления: «**Повышение заработной платы в Совдепии**». Стокгольм, 14 марта. Центр. Исполнит. Комитет Советов и Совет Народных комиссаров издали декрет о повышении заработной платы с 1 февраля (Общее дело: Париж, 1919, 24 апр.).

□ Если не учитывать затекстового этапа подготовки, где происходит отбор сообщений и присвоение им заголовка, в границах сообщения оценка может не проявиться. Следы идеологической обработки обнаруживаются лишь в текстовых элементах, соотносимых с тем или иным политико-идеологическим контекстом. Так, слово «большевистский» в его идентифицирующем значении использовалось в разных лагерях с разными коннотациями. Наличие пояснений и отсюда – избыточность в наименованиях могут служить признаком идеологизации для тех читателей, которые не погружены в специализированный контекст. В высказывании *Последний номер большевистской «Красной газеты» сообщает...* отрицательная коннотация связана с отчуждением идеологом «большевистский» и «красная». Понадобился избыточный идентифицирующий повтор для тех читателей, кто не воспринимал колоратив как большевистскую идеологию.

□ Идеологическую принадлежность, при всей сдержанности субъективно-модального отношения, выражают знаки с функцией статусных наименований субъектов, принятых в том или ином лагере, и отчасти географические координаты предмета сообщения: Париж, 22 авг. – **Верховный Правитель адмирал Колчак** сообщил по телеграфу бывшему **военному министру и начальнику Специальной миссии в Париже Б.В.Савинкову...**; *Засев полей: Приказ главноко-*

мандующего вооруженными силами на юге России».

□ Теперь о главном. Категория «точка зрения», появляющаяся благодаря контексту, в котором подается известие, выступает определяющим фактором для обозначения положения дел в информационном тексте. Так, например, умеренная антибольшевистская газета «Призыв» (Харбин) предпочитала соблюдать политическое «равновесие», если в центре были интересы обычного читателя. Идеологема *Советская Россия* в неполитизированном контексте используется ею как нейтральная. Очевиден общий позитивный настрой в изложении новости, связанной с нормализацией почтового сообщения с Россией («Почтовые сношения»): *По всей линии Забайкальской железной дороги восстановлен правильный обмен почтовых отправок всякого рода. Начались правильный прием и доставка корреспонденции из Советской России и обратно.* (Призыв: Харбин, 1918, 1 дек.).

Ниже речь идет о публикации текста приказа. В стандартном виде текст мог появиться без изменений в газетах противоположного толка, но это обстоятельство лишь на первый взгляд кажется фактом нейтрального отношения к событию. Смысловые акценты вычитываются в каждом лагере свои. Следующее ниже полное изложение приказа опубликовано в радикальной антибольшевистской газете «Общее дело» под красноречивым заголовком «Расстрел за агитацию в войсках»: *Приказом по осадному корпусу объявляется, что все агитаторы против существующего государственного строя Украинской Народной Республики и ее самостоятельности, которые будут являться с целью враждебной агитации в казармы, лагеря и др. места расположения войск, будут расстреляны без следствия и суда на месте своего преступления* (Общее дело: Париж, 1919, 2 апр.) Цель данного сообщения – дать представление о положении дел в советских войсках на Украине. Примечательно, что появившееся в большевистской печати сообщение аналогичного содержания читается с другим акцентом: оно содержит угрозу.

Политизация информационного пространства во время войны была слишком высока: внешне объективированное изложение не могло не отражать идеологических оценок. Рассмотрим фактологическое сообщение: *Нью-Йорк, 14 июня.* – *Вся нью-йоркская печать комментирует принятое союзниками решение морально и материально помочь всероссийскому правительству, находящемуся в Омске.* В пресуппозиции этого сообщения содержится три факта: существование альтернативного российского правительства

в Омске, решение союзников, реакцию на это решение нью-йоркской печати. Имплицитно выражено позитивное отношение к сообщаемому, когда вынесением местоимения всеобщности в препозицию подчеркивается всеобщее внимание к сообщению: *Вся нью-йоркская печать комментирует*. В контексте сообщения лексема «помощь» имеет явно позитивную окраску. Совершенно очевидно, что готовность союзников оказать помощь вызывает у субъекта речи воодушевление и надежду. Идеологическая направленность новости «прочитывается» благодаря выражению предикативных связей между фактами (*комментирует ... принятое ... решение; помочь ... находящемуся в Омске*). Драматизация состоит в подходе к фактам в жизни и их аналогам в новости как образованию нарративному (с оправдавшимися ожиданиями и неожиданностями, позитивом и негативом и пр.). Соответственно выбирается и форма новостного информирования: объективированная, с имплицитной оценкой. Такого рода драматизацию новостей исследователи отмечают как свойство политически направленной информирующей деятельности.

Ван Дейк, анализировавший структуру новостей, высказал в своей работе важное замечание, которое напрямую относится к категории модуса в структурах массмедиа. По мнению исследователя, массовый текст строится как интерпретирующая структура, стратегически предписывающая читателю, **как** нужно думать (а не **что**). Именно КАК-компонент структуры отвечает за основные идеологические направляющие в составе информации. Они есть в любом, даже коротком, сообщении. Нет в информации, как говорит Ван Дейк, как правило, другого – альтернативных точек зрения [Ван Дейк 1989: 187]. Однако в нашем материале мы обнаруживаем **сигналы альтернативной позиции, понятные читателю в контексте** (наименования, некоторые элементы избыточности, связи между фактами, идеологизированный заголовок).

В отличие от объективированного модуса подачи новости, модус субъективированный характерен для широкого круга текстов разной жанровой принадлежности (обзора печати, комментария, статьи, фельетона) – там, где новость служит поводом для комментария, предметом обсуждения или поводом для художественно-публицистического выступления. Сравните следующие зачины в газете «Общее дело»: *По словам Омского «Правительственного Вестника», город Уфа был оставлен большевиками в ужасном положении; Известия из России делаются изо дня в день все ужаснее и ужаснее. Кровь,*

кровь и кровь! ... (Вл. Бурцев). В сущности, данные высказывания – эксплицированные затекстовые оценки, предпосланные собственно известию и комментарию.

С разрастанием гражданской войны в антибольшевистских ЭГ увеличивается и количество метатекстов известий, оформленных не по правилам агентской информации. В них нет детерминатива, они оформляются «МЫ-предложениями», где субъект речи в лице коллектива редакции как будто входит в символический круг общения с читателем. Говорящий не апеллирует к читателю как к собеседнику, он хочет высказаться сам. Читатель остается объектом воздействия, агентом при полемических, порой театрально аффектированных, выступлениях лица, драматизирующая деятельность которого предстает как санкционированная группой для общих с читателем целей или для конфронтации с читателем. Эта свободная от рамочной структуры новости публицистическая деятельность наблюдается чаще в аналитических жанровых текстах, где 1-е лицо говорящего располагает существенными полномочиями.

Вернемся к метатексту новости, чтобы рассмотреть его варианты в антибольшевистской газете (газеты и даты выхода конкретных публикаций далее не указываются).

В метатексте, оформленном МЫ-предложениями как уведомление, читатель находит ряд обычных рамочных сведений и, сверх того, ряд дополнительных новостных составляющих. К стандартным мы бы отнесли: 1) данные о времени получения известий из России; 2) сведения о путях (способе) получения известий; 3) комментарии, включающие сведения о количестве полученных сообщений. К дополнительным составляющим метатекста относим: 4) сведения о соответствии / несоответствии новости ожиданиям редакции (и читателя, которого редакция включает в совокупное МЫ); 5) эмоциональную реакцию говорящего на полученные известия. Так или иначе, МЫ-предложения в большой степени отражают технологическую сторону информирования – действия условного агенса в положении сбора известий. Иногда такие предложения фиксируют намерения информатора как посредника по передаче сообщения, а также комментатора чужих высказываний. 1) Он выступает условным МЫ в роли обобщенного лица редакции. 2) Он становится конкретным МЫ в лице редактора (например, В. Бурцева), слово которого в острые моменты кризиса становится словом всего издания.

1). Активная позиция МЫ-агенса. Речевой и деловой активности говорящего соответствуют

предикаты МЫ-предложения: *находим, даем ниже, приводим целиком (полностью)* и т.п. При этом валентности таких глаголов заполняются словами с оценочной семантикой неприятия: *В № 61 гельсингфорской «Русской жизни» (от 17 мая с.г.) находим следующие подробности хозяйничанья большевиков в Одессе...; В «Деле народа» и в «Воле народа» находим следующее описание очевидцев разгрома Москвы; Приводим целиком заметку из «Знамени трудовой Коммуны», помещенную 10 окт. 1918 г. по поводу одного акта большевистского правосудия; Вот заметка в «Знамени», о которой мы говорим...*

Отметим явления, косвенно связанные с ситуацией восприятия поступающих новостей работником редакции.

Информатор в роли агента по сбору и оценке известий может ощущаться читателем как свидетель факта публикации в другой газете. Эта роль обозначена предикатами с семантикой восприятия, например глаголом *появились*: *Недавно в газетах появились сообщения о том, что...* Используется также безличная форма *напечатано*: *В «Известиях» Ц.И.К. Сев. Кавказа Сов. Республики от 2-го ноября напечатано: «...».* Информатор как субъект восприятия, близкий к позиции читателя, ощущается благодаря локализаторам времени и места, наименованиям источника сообщения и просто в самом факте указания на объект публикации. Иногда субъект речи передает читателю собственный опыт впечатлений, вызванных объектом, и оценку его содержания: *Общее впечатление при чтении большевистских газет получается такое... [«получается» – в значении ‘выходит, происходит как следствие чего-либо’]; Мы получили ряд новых ужасающих известий и документов о деятельности большевиков за время их господства в России.*

Субъект речи – наблюдатель, находящийся в месте передачи сообщения, включает в свое поле восприятия читателя благодаря употреблению местоимения *наши*, значение которого близко к концепту «общее» (единое): ‘общее, близкое нам, объединяющее нас в одно’. Так, говорящая личность, взятая, по выражению В.Н.Волошинова, «изнутри», оказывается всецело в контексте диалога [Волошинов 1995: 270]. Ее внутреннее переживание становится достоянием читателя. То есть читатель проникается тем отношением, которое вкладывает в сообщение автор. Сравните: *Гельсингфорс, 13 авг. – На левом берегу реки Луги на железнодорожном шоссе Нарва–Ямбург наши войска перешли в наступление, которое дает прекрасные результаты; Омск, 14 авг. – Прибывший на днях в наши линии*

один русский офицер, долго пробывший в Сов. России, сделал подробное сообщение о положении дел и условиях жизни в областях, занятых большевиками.

2). Местоимением МЫ обозначается говорящий, который выступает в качестве принимающего новости агента-посредника: *получили, полученные нами, нам доставлено, нам сообщают, до нас дошли, от Н мы узнали.* Такая позиция соответствует профессиональной ситуации, когда другие субъекты-отправители по соглашению находятся в состоянии речевой активности: это штатные и внештатные агенты, корреспонденты-союзники по идеологии, сочувствующие лица. Зачин уведомления довольно будничен и прагматичен. В нем фиксируется непрерывная работа коллективов редакций, о которой они считают своей обязанностью сообщать находящемуся на связи и в напряженном ожидании читателю.

○ *С юга России мы только что получили много документов, касающихся, главным образом, деятельности Добровольческой Армии. Начиная с нынешнего номера «Общего Дела», мы приступим к их печатанию;*

○ *В связи с появившимися в печати сведениями о том, что эстонское правительство поставило условием своей помощи нашему Северо-Зап. Корпусу предварительное признание независимости Эстонии, нам сообщают ниже следующее: «...»;*

○ *От офицера, прибывшего из красного стана, мы узнали, что при эвакуации Киева большевиками было обращено особое внимание на извлечение из столицы советской Украины всех врачей, инженеров, техников и офицеров*

○ *Нам доставлено воззвание: «Ко всем рабочим, ко всем русским гражданам!»*

Порой уведомление с МЫ-предложениями звучит как эмоционально сдержанный (если не сказать горький) отклик на известия. Такого рода сообщения характерны для газеты «Общее дело» и связаны с личным участием в работе ее редактора Вл.Бурцева. Заметим, что сами известия имеют броские эмотивные заголовки и развернутые зачины. Сравните: заголовок (*Народ против большевиков! Восстания рабочих и крестьян против Советской власти*), зачин (*Из вполне достоверных источников нам доставлен следующий, к сожалению, далеко не полный, список наиболее крупных восстаний против советской власти только в течение летних месяцев прошлого года. Комментарии к этому списку излишни*). Однако наряду с этим в радикальной антибольшевистской газете существовала и фактологически строгая (если не сдержанная) полити-

ка новостного информирования: *Без комментариев мы даем ниже ряд документов и известий, почерпнутых нами из полученных за последнее время русских газет, преимущественно советских. Все относится к положению дел в «Совдепии».* По всей видимости, субъект речи осознал свою ответственность за положение дел, серьезное, чреватое грозными последствиями, и полагал, что в кризисный момент от субъектов политики требуется сосредоточенность, строгость в мыслях и делах.

Подведем итог. Новостные сообщения в антибольшевистских эмигрантских газетах времени кризиса включали материалы разных информационных источников, значительную долю которых составляли источники из России (большевистские агентства, газеты). Однако общим для известий из России является не место происхождения, а единая для них когнитивная составляющая. Ее формировали два связанных и в то же время расчлененных в сознании идеологического субъекта полюса ментальных представлений – мир/антимир, мы/они, которые присутствуют в поверхностной структуре сообщений как имплицитные (объективированный модус) и эксплицитно выраженные (субъективированный модус) элементы оценочно-оппозитивной структуры известия. В составе коммуникации оппозитив-

ность может рассматриваться как ориентация на свойства *гипотезы адресата* журналистского текста, – адресата с его информационными запросами, когнитивной базой и эмоционально-психическими особенностями.

Список источников

- «Варшавская речь», Варшава, 1919.
«Общее дело», Париж, 1919.
«Призыв», Харбин, 1918.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1981. № 4. С. 356–367.
Борисова Е.Г., Мартемьянов Ю.С. Предисловие // Имплицитность в языке и речи. М.: Языки русской культуры. 1999. С. 9–14.
Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка (Основные проблемы социологического метода в науке о языке) // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб.: Аста-Пресс Ltd, 1995. С.216–380.
Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. М.: Изд-во Перм. ун-та, 2004. 276 с.

OPPOSITION IN COMMUNICATION STRUCTURE (on data of immigrant newspapers of the epoch of crisis of 1918-1920)

Liliya R. Duskaeva

Head of Theory of Speech and Mass Communication Language Department
Saint Petersburg State University

Tatyana I. Krasnova

Senior Lecturer of Russian Language and Literature Department
Institute of Television, Business and Design

The article is devoted to interpretation of cognitive model of opposition structure of metatext of the news. The data of this study are the immigrant newspapers of 1918–1919. Metastructures of the news represent information about actions and reactions of the informant (an ideology subject) at the moment of getting news from Russia. Opposition structure of communication of the news is manifested in reliance of the ideology subject of the newspaper on cognitive, emotional and other characteristics of the addressee's hypothesis of the journalistic text. The unified cognitive constituent part of the Russian news is formed by two mental poles, that include the opposition WE/THEY.

Key words: immigrant newspapers; crisis communication; discourse; addressee; opposition structures; metastructures of the news (modus).